

НЕНУЖНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ — доброта

Лариса Захарова, ветеран педагогического труда

Первое слово намеренно не ставлю в кавычки: десятки лет доброта вытравливалась из нашего сознания и мировоззрения вместе с понятиями «благотворительность», «сочувствие», «участие», «благодарение»... Зато с какой издёвкой часто произносилось: «Уж если ты такой добрый...» или даже «добренький» — в общем, очкарик, тюха, рохля, да ещё в шляпе! И правда: стоит ли заниматься такой чепухой, как «пробуждать добрые чувства» — пусть и не «лирой» в наше супержестокое время, когда жизнь человеческая — и впрямь «копейка»?

Прихожу в издательство, которое, судя по названию, именно для этого и предназначено — воспитывать в юных ценные душевные качества. Мне откровенно рады:

— Как хорошо, что вы пришли! Нам как раз очень нужен материал... о выращивании помидоров.

— У меня не об этом, — обескуражённо признаюсь я. — О выращивании детей.

— Н-нет... Это нам не нужно... — с сожалением говорит редактор. — Может, хотя бы об огурцах напишете статейку?

Я отказываюсь, и редактор прощает-ся со мной разочарованным вздохом.

Да, несмотря на множество подлинно добрых людей и их поступки,

несмотря на щедрость иных спонсоров и фондов, несмотря на бесконечные переделки школьных программ и включение в них новых, «престижных» предметов, несмотря на моральную и материальную поддержку несчастным семьям, пострадавшим от террористических актов, от трагедии подлодки «Курск», от войн и стихийных бедствий, — воспитание человечности как самого главного в школе предмета практически отсутствует. Отсутствует оно и в семье, и «выше». Удивляться нечему: действует многолетняя старая закваска. Ведь долгие, долгие годы само слово «доброта» было заклеено как «абстрактный» (т.е. вредный) гуманизм, неприемлемый для нашего общества, привыкшего мыслить и действовать исключительно в глобальных масштабах, любить всё человечество, а не отдельного человека. В одном из сборников «Мудрых мыслей» («Знание», 1962) понятие «доброта» оказалось настолько немудрым, что вообще не упоминается! Есть «мудрые мысли» по поводу всего — труда, борьбы, суеверий, страстей, ревности — о чём угодно! А вот о доброте — ни слова! Нет её в природе, и всё тут!

Немало доставалось и замечательному педагогу В.А. Сухомлинскому в сравнительно недавние времена — за то, что он осмелился призывать к воспитанию в детях высших нравственных ценностей и первыми из них считал человечность, доброту, сострадание, сочувствие.

Но и теперь, казалось бы, в корне переосмыслив наши прежние воззрения и заблуждения, мы больше говорим, чем делаем — и в масштабах государства, и дома, и в школе. Не потому ли в нашей стране столь печальна и трагична статистика, свидетельствующая о немыслимом росте преступлений, о переполненных тюрьмах, о массовых насилиях, заказных убийствах и террористических актах? Невероятной жестокостью пронизаны буквально все зарубежные современные фильмы, а теперь, в подражание им, и наши. Включите телевизор — и тотчас же увидите наведённый на вас револьвер, перекошенные

Воспитание должно опираться на две основы — нравственность и благоразумие: первая поддерживает добродетель, вторая защищает от чужих пороков.

Н. Шамфур

злой физиономии, попытки электроутогом, нещадные избивания героев ногами, досками, стульями, камнями... Прав американский политолог, сказавший: «Вы хотите подражать нам, но, вместо того чтобы перенять лучшее, вы, перепутав краны, включили вместо водопровода канализацию...» В самом деле, мы не пытаемся перенять «у заграницы» усердную учёбу, добросовестный труд, умение держать слово, любовь к чистоте тела, жилища, улицы, города, гордость за свою страну, уважение к государственному флагу, доброе и заботливое отношение к старикам, детям, инвалидам. Мы не думаем о том, что там, «у них», ограничено время и место показа «эротики», в отличие от нас. Не по причине ли своей — чуть ли не с детского сада — вредной, с перекосом, чрезмерной осведомлённости в вопросах пресловутого «секса» (которого в таком виде действительно раньше не было — ни в кино, ни на ТВ, ни на театральной сцене), — не от этого ли зачастую извращённого «образования и воспитания» рождаются у несовершеннолетних мам случайные, нежеланные и несчастные дети, а подчас калеки, от которых освобождаются порой любыми способами — вплоть до убийства? А услужливые газетные и журнальные киоски, спектакли, порножонки, фотографии, рисунки и реклама

всё предоставят вам для повышения и углубления ваших «познаний»... Похоже, наши дети хотят сегодня получить для себя как можно больше удовольствия при минимальном труде и ответственности, а лучше совсем без них. Уж не говоря об элементарном неприличии иных реклам, возьмём самые невинные: «Мой дорогой, я выйду за тебя замуж, если ты купишь мне итальянские сапожки!» «У меня будет во-от такой миллион!» — захлёбывается восторгом девчужка лет пяти, растопырив ручонки. «Бери от жизни всё!» «Рафаэлло — это блаженство!» — закатывает глаза девушка, пробуя вкусные конфеты. «Еда — это наслаждение!».

Да с каких же это пор главными ценностями в жизни стали для нас кормушка и постель?! Нам предоставили «выбор»: или бесконечные «смертоубийственные» фильмы, или прерывающая их реклама с раскормленными, постоянно жующими и пьющими физиономиями. И это наряду с ужасающей нищетой «ненастоящих мужчин» — больных, инвалидов, стариков, беспризорных голодных детей, не имеющих крова, просящих подаяния... Врачи «скорой помощи» нередко просто отказываются лечить старых больных людей (читаете газеты? Смотрите «Времечко» по НТВ?). Интересно, как в таких условиях воспитывать доброту, участие, сочувствие, любовь к справедливости на фоне постоянных «презентаций», фестивалей, кричащей роскоши одних и столь же кричащей бедности и заброшенности других? На фоне раненых и умирающих на войне? Впрочем, надо ли говорить о доброте в условиях терактов, военных действий?

Надо! Очень надо!

Вспоминая Великую Отечественную войну, которую моя семья и я пережили в одном из самых трагических её вариантов, помню главным образом людскую доброту, когда женщины-колхозницы, матери, делились последним куском с нашими ранеными бойцами, а сами кормили своих

детей баландой из подобранной на полях прошлогодней гнилой картошки и «тёртиками» (блинчиками) из неё же... Это было единственным питанием в каждой семье, если не считать добавки — лебеды, крапивы, муки из липовой коры и лепёшек из конского щавеля. Но и этим делились все. А сейчас...

... Конечная остановка автобуса. «Час пик» прошёл, народу мало, все входят спокойно, не торопясь. Появляется известный всей округе молодой мужчина, едва ковыляющий, толкающий перед собой тяжёлую и неуклюжую коляску-самоделку. Он с детства психически болен, и об этом тоже знает вся округа. Он хочет втащить коляску в салон, но не может. Мне это тоже не под силу, прошу соседа-пассажира помочь. Он с явной неохотой выполняет мою просьбу. И вдруг — шквал, взрыв гневных возгласов:

— Гоните его! Нечего зря кататься! Каждый день ездит туда-сюда! Надоел! Делать ему нечего! Сидел бы дома!

Людей, конечно, можно понять, особенно когда много народу, тесно, душно, давка, люди устали. Но — сейчас?! Откуда эта постоянная готовность к чёрствости, к окрику? На меня все смотрели с праведным гневом, а в автобусе ехали и школьники, и малыши, получая этот «нравственный» урок: лишит калеку единственной радости — быть среди людей...

Пятиклассник Юра, идя в школу, в трескучий мороз подобрал на дороге крошечного, тощего, совершенно закоченевшего котёнка. Мальчик сунул его за пазуху и тайком принёс в класс. Найдёныш скромно грелся на коленях Юры, а потом, проснувшись, заявил о себе. Услышав доносившееся из-под парты мяуканье, Анна Петровна рассердилась:

— Это что за хулиганство? Кто принёс кота на урок? Выбрось сейчас же!

— Как — выбросить?! — возмутился Юра. — На улице двадцать градусов! Зверёчка замёрзнет...

— Не срывай мне урок! Юра Забелин, это твои дела? Дай дневник!

Класс загудел, запротестовал. Но учительница была неумолима: отобрала у плачущего мальчика перепуганного «зверёчку», вынесла его во двор и спокойно продолжала урок...

Можно ли её осуждать? Ведь формально Анна Петровна права: она выполняла школьную программу; ей некогда заниматься уличными котятами. К тому же он мог быть больным, «блехатым». Но что будет делать, что говорить Анна Петровна на уроке, когда класс начнёт читать «Муму» Тургенева? Искренним ли будет её сочувствие несчастному Герасиму? Как преломится в сознании ребят этот урок жизни и урок чтения? Пожалеет ли Юра в другой раз другого «зверёчку» — или выстрелит в него из рогатки, забьёт камнями? А вдруг впоследствии повторит эту процедуру на человеке? Нет, не хватило у самой Анны Петровны доброты, чтобы «дотерпеть» присутствие котёнка до конца урока, покормить его, попробовать всё же «пристроить» кому-нибудь в семью, а нет — так вынести, хотя бы сытого, пожелав вместе с ребятами бедняге выжить... А ведь нам и сегодня преподают иной урок старушки-пенсионерки: подбирают, привечают и кормят беспризорных животных на свою убогую пенсию, нередко подвергаясь гонениям и травле со стороны соседей.

Однажды в беседе с новыми для меня девятиклассниками, когда зашла речь об опасности невнимания к человеку, я рассказала об одной несчастной малышке: в больнице умерла девочка, умница и любимица всего персонала. Несчастное «отказное» уже трёхлетнее дитя скончалось от болезни, называемой «госпитализмом»: некому было приласкать её, погладить, поцеловать на ночь, убаюкать по-матерински, спеть песенку. При всей любви к ней санитаркам было не до ребёнка: был бы сыт, лежал в сухой постельке — до песенок ли тут?

Мои ребята тут же предложили: «Пойдёмте в детский дом!»

Мы пошли, и я видела, как девятиклассницы своей заботой и сердечным теплом обворожили малышей — читали и рассказывали им сказки, играли в прятки и салочки, угощали принесёнными гостинцами. Мы потом много раз приходили к своим маленьким подопечным.

В деле воспитания развитие навыков должно предшествовать развитию ума.
Аристотель

Доброту, как и любое другое качество, надо воспитывать делом, тренировкой.

Но часто ли школы берут шефство над домами детей-инвалидов, престарелых? А ведь нынешние школы в большинстве своём основой своей деятельности провозгласили «гуманистическую парадигму». Зачем же мы сами лицемерим? Чем воспитываем гуманизм? Болтовнёй?..

Я часто вспоминаю, как мои бывшие четвероклассники — воспитанники детского дома для сирот войны, заметив, что детей в столовой кормят лучше, чем воспитателей, неожиданно подарили мне... пачку маргарина: «Вы совсем не едите масла! Нам его дают, а вам нет!» Я настолько растерялась от этого неожиданного подарка, что совершенно не знала, как мне быть — обратно они его не брали; готовить мне было нечего, негде и не на чем; прижать эту пачку к сердцу — слишком сентиментально... Отдала его на кухню, тайком от ребят. Этим 10–11-летним подросткам не надо было учить доброте и отзывчивости: этому научила их жизнь, война. Сейчас же, увы, жизнь учит иному: «Никому не открывайте дверь, о чём бы ни попросили посторонние люди», — звучат призывы по радио, по ТВ. В каждом незнакомце нас вынуждают видеть потенциального преступника — вора, грабителя, маньяка-наркомана, готового на всё злодея и убийцу. Так, может, не время говорить о воспитании добрых человеческих чувств? Ведь антивоспитание социальное, длящееся уже много лет, принесло и про-

должает приносить свои горькие плоды. И всё равно — даже в этих обстоятельствах — надо всеми силами выбираться из атмосферы злобы и насилия, стремиться к тому, чтобы новые поколения были лучше нас. К великому счастью, в нашей стране и сегодня есть множество людей добрых, самоотверженных, отзывчивых на чужую беду. Вспомним, как вели себя москвичи по отношению к жильцам взорванного в Печатниках дома — от всего сердца дарили им необходимые вещи, кормили, приютили у себя в квартирах... А как много сил прилагают те, кого мы зовём эмчеэсовцами, спасая не только людей, но и попавших в беду животных. Жаль, что мы узнаём о чьей-то отваге, доброте и сердечности только в экстремальных ситуациях, а потом даже не вспоминаем об этих людях. Вот о ком надо писать, вот кого прославлять с экрана ТВ, награждать самыми высокими правительственными наградами. Мы же фактически не знаем даже имён этих людей. Вспомните, как несколько лет назад Шаварш Карапетян спасал с риском для жизни пассажиров автобуса, упавшего с моста в реку. Зинаида Львова и Инга Хангалдян совершили один и тот же подвиг: каждая из них спасла чужого ребёнка, стоящего на рельсах перед идущим поездом. Зинаида при этом лишилась обеих ног. Это всё сведения из старых газет. Но ведь и теперь совершается немало добрых и благородных дел, самоотверженных поступков. Многие люди бесплатно работают в больницах с самыми тяжёлыми больными — стариками, инвалидами, парализованными; священнослужители и монахи устраивают детские праздники в интернатах и приёмниках с угощением и подарками.

В своё время в бывшей ФРГ я смогла убедиться, с какой заботой, с какой трогательной деликатностью и добротой там заботятся об инвалидах, детях и стариках, особенно об участниках войны. Можно без конца рассказывать о прекрасных домах, садах и скверах — не для престарелых, нет, — в Германии их называют

иначе, почтительно — для зениоров; о специальных автобусах, развозящих готовые обеды на дом для желающих, о постоянных благотворительных фондах, о станциях помощи, куда старых людей и инвалидов берут на день, а к вечеру привозят домой (как ребятишек в детском саду); о «краткосрочном» уходе, когда немощных и дряхлых помещают в стационар на две-три недели, давая возможность родственникам поехать в санаторий или дом отдыха; об индивидуальных легчайших и удобных колясках и о всевозможных приспособлениях в транспорте для парализованных. Возле одного из кемпингов среди нескольких телефонов-автоматов, как всегда и везде в Германии, сверкающих лаком и до блеска намытыми стёклами, с висящими в кабине аккуратными справочниками (не истрёпанными, не изорванными, не исписанными дурацкими и похабными изречениями, что так характерно для нашего быта), один автомат привлёк моё внимание: с кабиной, вдвое шире остальных, с прикрепленным удобным стулом и низко висящим телефонным аппаратом, с надписью на двери: «Бесплатно. Для инвалидов».

Интереснее всего то, что, когда я рассказывала об этом у себя на родине, первым вопросом у каждого был: «А как узнать, что это инвалид звонит? Ведь любой здоровый человек может воспользоваться телефоном бесплатно и никто об этом не узнает». Да, таков наш менталитет, мы озабочены одним: где бы и как «повыгодней» облапошить государство. Вспоминаю четверостишие Игоря Губермана: «С любым доброжелателен и прост, / Ни хитростью не тронут, ни коварством, / Я выжига, пройдоха и прохвост, / Когда имею дело с государством». Что ж, приходится признать, что именно оно, наше государство, ведёт себя, мягко выражаясь, не слишком благородно по отношению к собственному народу, который платит ему тем же.

Принято считать, что недобрые отношения людей с правительством объясняются исключительно бытовыми трудностями: безработицей, нищетой, дороговизной, неуважением к правам человека и пр. Конечно, всё это имеет огромное значение. Бытие, как и раньше, определяет сознание. Однако при многих равных условиях люди остаются разными. Одних атмосфера страха, подавленности,

неуверенности в завтрашнем дне, голод, холод и болезни приводят не только к озлобленности и отчаянию, но и к преступлениям. Другие же стоически всё это переносят, трудятся в меру своих сил, остаются честными, добросовестными. И — дружелюбными, добрыми. Ещё Ф. Достоевский писал, что преступность — в душе человека, а не в условиях, в которые он попал.

Известно, что степень цивилизованности общества определяется отношением к слабым — женщинам, детям, старикам, больным, калекам, инвалидам. Вспомним: даже в первые годы после революции правительство (и, в частности, тот самый «железный Феликс», чей памятник в 1991 году низвергли с пьедестала) озаботилось судьбой беспризорных детей. А что творится сейчас? Сколько их — детей, лишённых родительской заботы, не имеющих крыши над головой, бродяжничают, побираются и воруют, голодают, спят на вокзалах и в подворотнях, в подъездах? А недавно все мы онемели от ужаса, узнав о деяниях «Голубой орхидеи», развращающей малолетних. Но, похоже, думать об этом государству некогда. У него свои, более важные дела... Восстановление храма Христа Спасителя — это великолепно, это Божеское дело. Я ещё девочкой успела насладиться красотой прежнего храма, и мы горько оплакивали его, безжалостно взорванного. Но при всём уважении к построившим новый храм не могу не думать о голодных и нищих, о детях, которых надо сегодня спасать, — вот это и есть самое богоугодное дело. Сначала сделать главное, а не вязнуть в дележе кресел, в светской жизни эстрадных «звёзд», рекламных собачьих парикмахеров и кошачьего питания. Всё это непристойно, неприлично.

Деликатность в основе своей — порождение души; это чувствительность, степень которой определяется также большей или меньшей свободой обычаев.

Л. Вовенарг

...В одной из предсмертных статей замечательного писателя-фронтовика Вячеслава Кондратьева «Нас осталось так мало...» он пишет о том, с какой горечью и обидой обратился он к власти, забывшей своих воинов — ветеранов, спасителей страны! Автор знаменитого «Сашки» чувствовал себя и своих соратников глубоко оскорблёнными равнодушием правительства к их нуждам, тревогам, бедам и болезням и вскоре после этой публикации в «Комсомольской правде» покончил с собой...

Мы думали, что «та» война будет последней в нашей жизни. И вот — сначала Афган, потом — Чечня. Чему учатся на войне наши мальчишки? Какими они вернутся? Почему совсем недавно, говоря о трагедии в Косове, Албании, Югославии, наши правители все свои выступления неизменно заканчивали словами: «Добиваться мира только путём переговоров! Только мирными средствами!» Что же изменилось сейчас? Почему мы привыкаем не содрогаться от слов дикторов ТВ:

— Погибло столько-то... Ранено столько-то... Из них — тяжело... Пропало без вести... Зачистка... Уничтожено...

Почему забыты статьи и книги Светланы Алексиевич, Григория Бакланова, Вячеслава Кондратьева, Лидии Графовой? Почему продолжается бойня, которую бывший президент назвал ошибкой?

Да, у меня свой взгляд на войну. Я не политик, излагать свои убеждения, быть искренней, говорить то, что считаю нужным, со своей «учительской колокольни», мне гораздо легче и проще, чем тем людям, которые в силу своего положения вынуждены оправдывать военные действия.

Мне смертельно жаль и наших воюющих мальчиков, и наших раненых, и всех погибших в результате террористических актов и искалеченных людей. Но мне также жаль и мирных чеченских, русских, украинцев и

любых других людей, живущих в Чечне, подвергающихся обстрелам, терактам. Жаль несчастных родителей, потерявших детей под обломками домов, жаль осиротевших детей... Душа не может смириться с тем, что мирных жителей убивают, бросая вниз бомбы без указания адреса попадания... Всё время гложет мысль: а так ли уж необходима теперешняя война? Вот прочитала о беременной женщине: при «зачистке» её ранило осколком в живот. Осколок убил ещё не рождённого «бандита»...

Можно ли жестокость искоренить жестокостью?

Жестокость порождает ненависть, очередную жестокость. И эта реакция бесконечна.

В Онкологическом центре на Каширке неизвестный предупредил администрацию по телефону о заложенной в здании бомбе... Пятнадцать врачей в это время оперировали и не могли прервать работу, так как пациенты были под наркозом. Что же касается остальных (более тысячи) больных, то сотрудники эвакуировали всех. Бомбу не нашли — просто какой-то «весельчак» пошутил над больными и умирающими. Так сильно ли он отличается от террористов, взорвавших здание на той же Каширке?

Прочитала недавно книгу лирики Габриэлы Мистраль — чилийской поэтессы, получившей в 1945 г. — первой в Латинской Америке — Нобелевскую премию по литературе. Книга, пронизанная любовью и добротой, вышла у нас почти сорок лет назад, но кажется, что писалась сегодня. Приведу отрывки из писем Габриэле и её ответы на них.

«Мир на Земле был для меня всего дороже. Теперь единственная разрешённая для нас тема — это война. Она — «пароль и отзыв» патриотизма. Но знайте: единственное, чего хочет так называемая чернь, «грубый народ», это чтобы ему дали работать в мире для жены и детей. У этих

бедняков есть зрение, и они видят. Только ясное зрение, которое рождается у них, ещё не оружие; но послушайте, что они говорят, когда радиопередатчики пытаются разгорячить им кровь, чтобы они отправились на бойню».

«Горе тем, кто всё ещё хочет говорить и писать об этом. Берегитесь клички, которую прикрепят к вам однажды. Эта кличка если не убивает, то калечит репутацию пишущего человека и по меньшей мере оставляет на нём огненное клеймо.

Слово «мир» — проклятое слово. Вы помните, конечно: «Мир мой да будет с вами». Но Иисус Христос не в моде, его слово уже «не к лицу»... Я ловлю себя на том, что, как в бреде, повторяю данные о том, сколько людей может быть убито сразу...»

Габриель Мистраль отвечает: «... это написано людьми образованными, людьми среднего класса, и это слова, в которых нет уклончивости, приспособленчества или хитрости; эти жгучие слова начали свой полёт над нашей Америкой. Мы говорим: «Довольно! Довольно убийств!»...

Есть слова, которые тем громче, чем больше их заглушают, громче именно благодаря гонению и удушению, и слово «мир» доходит даже до людей глухих и невнимательных. Именно это слово, вычёркиваемое из газет, загоняемое в угол, этот единственный слог, который находится под запретом, словно непристойность, чаще всего повторяется в Священном Писании, повторяется с настоя-

Воспитательная ТЕХНОЛОГИЯ

щей одержимостью... Будем же проносить это слово ежедневно, где бы мы ни находились... пока оно не станет плотью и кровью и не создаст... братства мира, которое очистит тяжёлый, грязный воздух».

Габриела Мистраль, одна из самых скромных и самых знаменитых женщин Чили, учительница Пабло Неруды, была знакома с Роменом Ролланом, Барбюсом, Максимом Горьким, работала в Лиге наций вместе с Марией Кюри и всю жизнь посвятила самому важному и благородному делу — борьбе за мир, за взаимопонимание людей. А вот иная позиция. Одна очень уважаемая женщина, отличный писатель, учёный, кандидат педагогических наук, внушала слушателям по радио: «Не берите на себя чужую боль, думайте только о хорошем! Если ваша подруга станет по телефону рассказывать о случившемся у неё горе, извинитесь, сошлитесь на меня и положите трубку». Вот так, «положите трубку»! Так в каком же обществе мы живём? В том, где человек человеку — друг, товарищ и брат? Или — волк?

Решаюсь оспорить утверждение великого русского писателя Ф.М. Достоевского, сказавшего, что красота спасёт мир. Нет, мир спасёт только доброта. Этот ненужный в наших нынешних школах предмет... **В.Ш**